

СЕНТЯБРЬ

19 сентября 1897 г.

Из протокола заседания Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества 19-го сентября 1897 г.

Под председательством С. Ф. Платонова присутствовали: С. А. Адрианов, Н. И. Барсов, А. П. Воронов, В. Г. Дружинин, бар. С. П. Корф, В. В. Майков, А. К. Марков, Н. Я. Марр, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский, кн. П. А. Путятин, Н. К. Рерих, С. В. Рождественский, бар. В. Р. Розен, С. М. Середонин, А. А. Спицын, Н. Д. Чечулин и А. Н. Щукарев.

I

Н. К. Рерих прочитал реферат о своих раскопках, произведённых летом 1897 года в Царскосельском уезде (мыза Извара). Обширные раскопки (7000 погребений) в С.-Петербургской губ. не дали пока возможности твёрдо установить тип и характер погребений древней воды и её древностей.

С этой целью необходимо исследовать северо-западную часть Петергофского уезда. Исследованные докладчиком каменные фигуры — могилы на мызе Извара, обнаружили следующий характер погребения: после полного сожжения зола собирается с кострища (на материке же) и отмечается двумя или четырьмя камнями (ромбическая фигура). Площадь фигуры забрасывается иногда мелким булыжником. Докладчик видит в этом некоторую аналогию с каменными клетками древних эстов, почему он и делает предположение о принадлежности этих фигурок древней воды.

А. А. Спицын возразил, что ввиду близкого сходства древностей близ Пюхтицы с древностями на остр[ове] Эзель, едва ли можно считать первые (пюхтицкие) за славянские, — они принадлежат воде. С. Ф. Платонов и кн. П. А. Путятин сделали несколько дополнений к реферату. <...>

III

Сделан был ряд мелких сообщений:

1) Н. К. Рерих дал описание некоторых холмов в С.-Петербургской губ., связанных с неясным преданием, что «тут собирались молиться». Отличительные признаки подобных холмов: близость воды и масса камня по поверхности. <...>

Протоколы заседаний Имп. Русского археологического общества за 1897 г. СПб. 1899.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Вып. I. СПб. 2004.

19 сентября 1897 г.

РЕФЕРАТ¹

Изварский могильник (предполагаемые погребения древней воды). О раскопках 1897 года в Царскосельском уезде

До сих пор в Санкт-Петербургской губернии в древней Водской пятине было вскрыто до 7000 различных древних погребений и притом приблизительно и одном районе, а именно на плоскогорье между Красным Селом и Ямбургом, захватывая песчаные лесистые верховья реки Оредежи и южные возвышенности с озёрами Вердугой, Сяберским, Черемецким и другими. Казалось бы, такая солидная цифра могла бы обеспечить возможность более или менее точных и свободных определений и заключений, но, тем не менее, на некоторые небезинтересные вопросы результаты всех этих обширных раскопок ответа пока не дают. В центре Водской пятины, которая, по замечанию исследователей, аналогично Обонежской пятине могла называться Водскою не потому, что была главным образом коренным местопребыванием воды, а может быть потому, что граничила с водью, в Царскосельском, Ямбургском и известной уже части Петергофского уезда по найденным древностям и по обряду погребения курганы были признаны славянскими. Из всех добытых древностей этого края может быть выделено в особую группу лишь небольшое количество предметов из раскопок в с. Мануйлово в северо-западной части Ямбургского уезда и д. Войносолово в западной части Петергофского уезда недалеко от с. Котлы, где водь, ватьялайзет, как известно, проживает и до сей поры. Большинство предметов сходны с находками из Эстляндии, Финляндии, Швеции, острова Готланда, некоторые, как, например, витые браслеты, подвески-уточка, височные кольца и несколько подвесок-бляшек, имеют русское происхождение.

Дневник раскопок не сохранился, так что устройство Мануйловских курганов остаётся неизвестным. В Пюхтице за Наровою в 1892 году профессором Висковатовым были найдены предметы, схожие с мануйловскими; сущность же конструкции курганов была такая же, как и в Царскосельском уезде, в признаваемых исследователем древнерусскими, т. е. курганы, высотой до 7 футов, так же оказывались иногда окружёнными валунами; костяки лежали головою на Запад и, кажется, на Восток на поверхности материка или в могиле. И по устройству и по древностям совсем такие же курганы раскопаны в Иннис близ Везенберга; по своему местонахождению они должны бы принадлежать эстам, но современные этим курганам эсты, как кажется, имели свой национальный обряд погребения — трупосожжение в каменных клетках. Кому же могли принадлежать Пюхтицкие и Мануйловские курганы? Конечно, может быть, и эсты наряду с трупосожжением в клетках практиковали славянский обычай курганного погребения. Вполне естественно, что и водь могла заходить за Нарову на эстонскую территорию.

¹ Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II – III. Самара. «Агни». 1999.

Издатель раскопок Л.К. Ивановского признаёт эти курганы нерусскими, но, кажется, при недостатке основательных доказательств, здесь может иметь место также такое предположение, что данные курганы оставлены всё же новгородскими славянами, особенно далеко углубившимися и, таким образом, вошедшими в ближайшие, родственные сношения с коренным местным населением. Нерушимо сохраняя дедовский обычай погребения в курганах, они, вследствие некоторой изолированности от остальных славян и сближения, родства с финнами, оставляют предметы, значительно отличающиеся от находок в несомненных славянских погребениях. Настоящему предположению не может мешать, что предметы, найденные при этом, относимы к XI веку; в Иннисе найден диргем X века; и не противоречит заключение господина Харузина, что пюхтицкие черепа вовсе не принадлежат финской расе, а должны быть приписаны какому-нибудь племени, жившему на грани меж двух культурных миров.

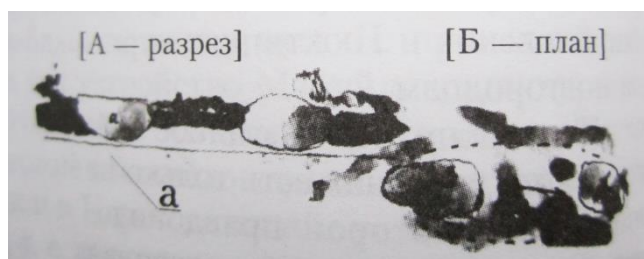
Профессор Петри о черепах из раскопок Ивановского и моих в курганах, признанных древнерусскими, заметил, подобно заключению господина Харузина, что тип их смешанный, так сказать, славяно-финский, и, во всяком случае, нет никаких признаков, по которым антрополог мог бы предпочтительно отнести их к славянам или финнам. К подобному же заключению должен был бы прийти антрополог, изучавший теперешнее население многих, по видимому, русских деревень этого края. Значит, со стороны антропологии, помощь которой, конечно, слишком относительна для археолога, нет препятствий к настоящему предположению о принадлежности Мануйловских и Пюхтицких курганов новгородцам.

Подчеркну, что сказанное сейчас об этих курганах есть только не лишённая некоторой правдоподобности, но всё же необоснованная догадка, как и всё предположенное о них до новых раскопок в этой местности, и, так или иначе, вопрос относительно погребений води остаётся пока совсем открытым, а между тем водь было племя, хотя небольшие и слабое, но всё же довольно определённое, и как бы рано оно ни подпало полному влиянию славян, всё же могли и должны остаться памятники, и которых проявляются оригинальные водские обряды и предметы водского быта. Пока же тип оригинальных водских погребений не установлен, происхождение многих курганов Санкт-Петербургской губернии будет находиться под сомнением, и о некоторых предметах трудно дать точное определение. Таким образом, ближайшим вопросом в местной археологии является: найти действительно водские погребения и этим разграничить заносный славянский элемент от коренного, местного. Находка водских погребений может отчасти осветить и другой немаловажный вопрос, а именно северо-западную границу поселений новгородских славян. Для этого надо с особою тщательностью и систематичностью начать обследовать места несомненных поселений води, т. е. северо-западную часть Петергофского уезда, вблизи Копорья и Котлов; местность очень мало, можно сказать, совсем неисследованную, за исключением 10 курганных групп, раскопанных Ивановским, дневники которых или слишком кратки, или вовсе не сохранились; обряд же погребения и предметы не дали особых отличий от основного типа окружных курганов, кроме поздних Предметов из Войносолова, выделенных в особую группу, и погребений в колодах близ деревень Кошкино и Слободка, причём неизвестно, основные ли то погребения или впускные позднейшие. Кроме того, уже ближе к Петергофу, были вскрыты гос-

пожю Раевскою поздние погребения, быть может, ижоры. Других зарегистрированных раскопок в этой местности неизвестно.

Этим летом я намерен был начать розыски водских погребений в Петергофском уезде, но по некоторым обстоятельствам не мог начать их, и кроме того, одна моя находка этого года в районе моих прежних раскопок, по-видимому, имеет некоторое отношение к настоящему вопросу и может пригодиться при следующих работах.

**Санкт-Петербургская губерния, Царскосельский уезд, Сосницкая волость
Имение Извара, владение Госпожи Марии Васильевны Рерих.**

Длина могилы.....2 ½
 Ширина могилы..... ¾
 Глубина могилы..... ½

№ 1. Слой золы — 3 вершка. Зола смешана с землёй. Слой золы и угля выступает за пределы могилы. Вершина камня *a* обтёсана. Под золой грунт — песок.

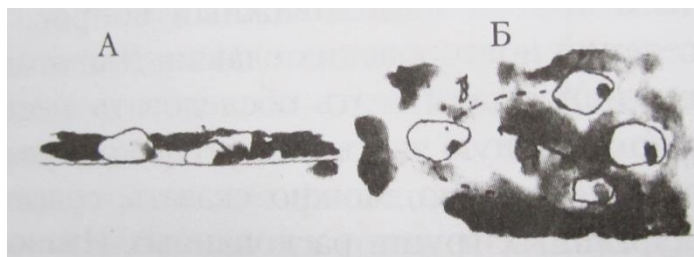
Длина могилы.....2 ½
 Ширина могилы..... 2
 Глубина могилы..... ½

№ 2. Слой золы — 2 вершка. Зола без земли. По-видимому, могила не засыпалась — зола местами заброшена булыжником. Чёрный пласт — наносный перегной. Зола выступает за пределы могилы.

Длина могилы..... 1
 Ширина могилы..... ½
 Глубина могилы..... ½

№ 3. Слой золы — 1 вершок. В данном случае ширину могилы установить трудно, так как она не ограничена камнями, а слой золы, как и во всех могилах, выступает за пределы её.

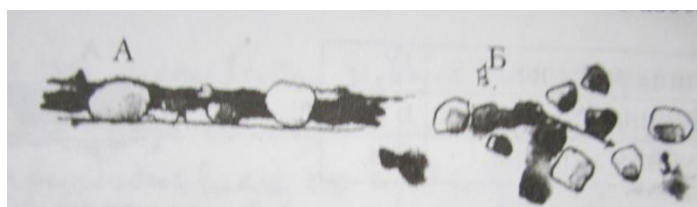
Длина могилы..... 1 $\frac{1}{4}$
 Ширина могилы..... $\frac{3}{4}$
 Глубина могилы..... $\frac{1}{2}$

№ 4. Слой золы — 1 вершок.

Длина могилы..... 1 $\frac{1}{4}$
 Ширина могилы..... $\frac{3}{4}$
 Глубина могилы..... $\frac{1}{2}$

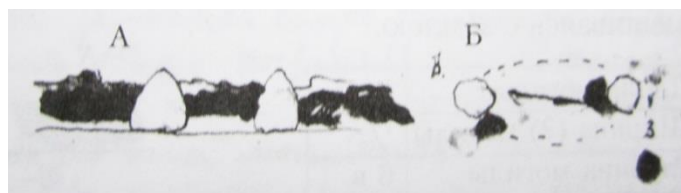
№ 5. Слой золы — 1 вершок.

Длина могилы..... 1 $\frac{1}{2}$
 Ширина могилы..... $\frac{3}{4}$
 Глубина могилы..... 6 в.

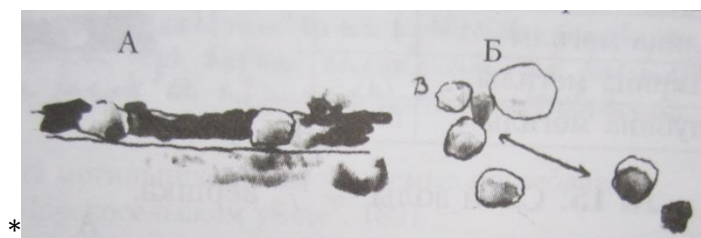
№ 6. Слой золы — $\frac{1}{2}$ вершка.

В золе обнаружены следы ржавчины и как бы остатки (мелкие) железа, при высыхании рассыпавшиеся.

Длина могилы..... 1
 Ширина могилы..... $\frac{3}{4}$
 Глубина могилы..... 6 в.

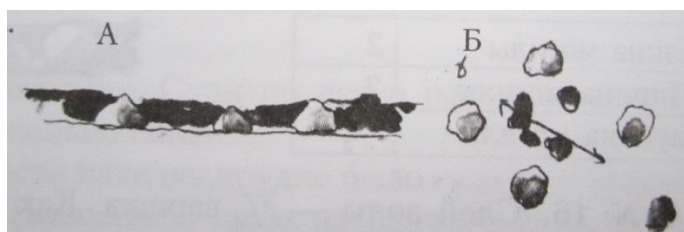
№ 7. Слой золы - 1 вершок. Камни, как и во многих других, поставлены острыми концами наверх. Ширину могилы можно установить только границей более толстого и чистого зольного слоя. Фигура этого слоя - неправильный овал.

*

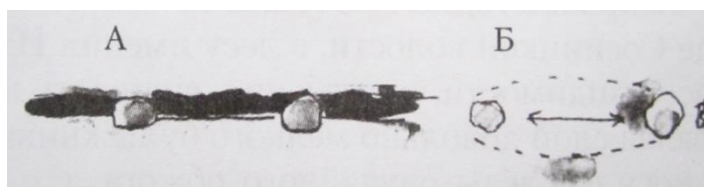
Длина могилы..... 1 $\frac{1}{4}$
 Ширина могилы..... 1
 Глубина могилы..... $\frac{1}{2}$

№ 8. Слой золы - $\frac{1}{2}$ вершка.

Длина могилы..... 1 $\frac{1}{4}$
 Ширина могилы..... 1 $\frac{1}{4}$
 Глубина могилы..... 7 в.

№ 9. Слой золы - $\frac{1}{2}$ вершка. Между золой и грунтовым песком замечены следы глины. Не было ли обмазано основание могилы?

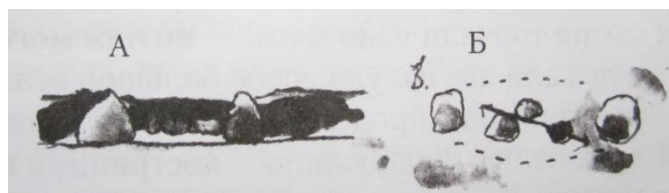
Длина могилы..... 1 $\frac{1}{2}$
 Ширина могилы..... 1
 Глубина могилы..... $\frac{1}{2}$

№ 10. Слой золы - вершок. Камни основания углублены в грунт.

Длина могилы..... 1
 Ширина могилы..... $\frac{1}{2}$
 Глубина могилы..... 7 в.

№ 11. Слой золы – 1 ½ вершка.

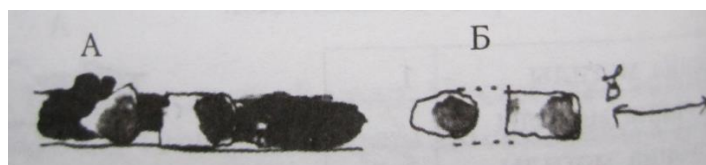
Длина могилы..... 1 1/4
Ширина могилы..... 3/4
Глубина могилы..... 6 в.

№ 12. Слой золы – ½ вершка.

Длина могилы..... 1/2
Ширина могилы..... 6 в.
Глубина могилы..... 6 в.

№ 13. Слой золы – 1 вершок. В западную сторону слой золы продолжается одинаковой толщины, постепенно давая большое количество угля и смешиваясь с землёю.

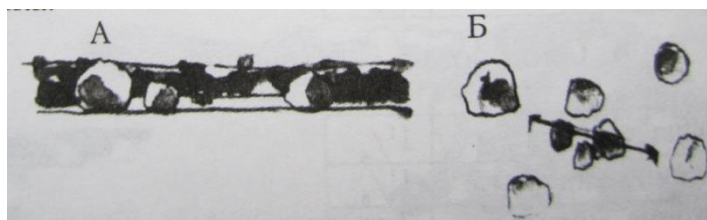
Длина могилы..... 3/4
Ширина могилы..... 1 1/2
Глубина могилы..... 6 в.

№ 14. Слой золы – 1 вершок. Камни основания неправильно обтёсаны, сложенные вместе дали один булыжник.

Длина могилы..... 1
Ширина могилы..... 3/4
Глубина могилы..... 5 в.

№ 15. Слой золы – $\frac{1}{2}$ вершка.

Длина могилы..... 2
Ширина могилы..... 2
Глубина могилы..... $\frac{1}{2}$

№ 15. Слой золы – $\frac{3}{4}$ вершка. Как в № 2 и 6 ближе к центру лежит камень бóльших размеров, как и угловые.

В прошлогоднем сообщении я упоминал о находке в Царскосельском уезде Сосницкой волости, в лесу имения Извара, одиночной каменной фигуры, по всей видимости, погребения, сущность которого была в том, что подо мхом оказался слой довольно мелкого булыжника, из которого некоторые [булыжники] носили следы случайного обжога, т. е., я хочу сказать, они, значит, были набросаны на золу после огня и даже на золу, может быть, уже почти остывшую. Непосредственно под булыжником обнаружилась зола, неправильным слоем толщиной до 2 вершков. Под золою оказался песок материк, не носивший на себе признаков огня. Очертания формы зольного слоя неправильные, но приближаются к четырёхугольнику. Глубина, т. е. расстояние от верхнего мха до песка материка, не превышала 6 вершков. Размеры каменной настилки были: длина 2 арш., ширина $1\frac{1}{2}$ арш. Форма настилки была ромбическая; четыре угольных камня торчали надо мхом — по ним могила и была найдена. На Восток и на Запад лежали два валуна особо большой величины. Древностей никаких не оказалось. Слой золы продолжился за черту могилы в северо-восточную сторону, и на 1 арш. от неё обнаружилось кострище, с которого зола могла быть перенесена в могилу. Кострище дало мелкие угольки и бесформенные остатки перегорелых косточек, по-видимому, человеческих. Судя по легко раскалявавшимся камешкам и по почве, огонь был довольно силён.

Ввиду случайности и одиночности находки трудно было сказать о ней что-либо. Предположению о жальнике [жальники] также находяться в этой местности) мешало полное сожжение. Единственно, в факте сожжения, перенесения золы с кострища и ограждения камнями, хотя на иной манер, некоторое сходство можно было найти с трупосожжением в каменных клетках древних эстов.

Этим летом я, проходя по лесу недалеко от указанной прошлогодней находки, обратил внимание на еле заметные вросшие в землю валуны, расположение которых мне показалось симметричным. При раскопке была открыта целая группа каменных фигур, аналогичных только что описанной.

Эстонский погребальный обряд состоял в том, что производилось сожжение трупа в наряде, оставшаяся зола с вещами сносилась в определённое место, где и обставлялась камнями, образуя с камнями соседних погребений какую-нибудь геометрическую фигуру, четырёхугольник, треугольник или что-нибудь подобное в этом роде. Зола собиралась на поверхности материка и

большую часть забрасывалась грудой мелкого камня. При новом погребении зола и каменная обкладка присоединялись к предыдущим, и таким образом из подобных каре различной величины вырастала очень сложная фигура, разобраться в которой подчас очень трудно. Ввиду некоторой толщины зольных слоев неизвестно, каждая фигурка служила ли местом одного погребения или нескольких. Так что эстонские могильники всегда представляют связную фигуру.

Внешний вид найденного мной могильника, если только это могильник, был следующий: в значительном лесу, представившем немалые затруднения при раскопке, на пространстве $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ десятины кое-где торчали едва заметные сверху булыжники, где по четыре, образуя ромбическую фигуру, где только по два. Площадь могильника отчасти поросла малиной, любящей, как известно, зольную землю. Каменные фигуры разбросаны без всякой системы на расстоянии 5-15 шагов. На Восток и на Запад с некоторым неизбежным отклонением лежат валуны особенной величины. Камни поставлены предпочтительно острыми концами кверху. В одном случае два краевых камня, сложенные [вместе], дали один валун; в другом — у западного камня вершина оказалась стёсанною, осколки её оказались под самым камнем среди золы. Всех могил я насчитал до 24; место это в общем довольно каменистое, так что при внешнем осмотре легко принять за могилу два камня, лежащие в случайной симметрии, тем более что величина каменных фигур очень разнообразная. Всего исследовано было 16 каменных фигур, наиболее хорошо сохранившихся и тщательно устроенных. Длина фигур колеблется между $2\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{2}$ арш., ширина между 2 арш. и 6 вершками. Глубина, т. е. расстояние от линии горизонта до материка песка, - от $\frac{1}{2}$ арш. до 5 вершков. Подо мхом и верхним наносным перегноем показывались мелкие булыжники, набросанные на площади могилы, или же в случаях, если булыжников этих не было, то прямо зола, лежавшая неправильным, но плотным слоем различной толщины от 3 вершков до $\frac{1}{4}$ дюйма. Под этим слоем золы сейчас же показывался грунт — жёлтый песок, иногда носивший следы обжога, слишком незначительного для влияния костра. В одном случае поверх песка были следы тонкого слоя глины, площадь могилы могла быть обмазана ею; на глине следов обжога не видно — значит, зола насыпана уже значительно остывшая. Камни, составляющие обкладку фигуры, носят местами следы обжога, но неправильного с внутренней стороны, как это бывает в очаге. Некоторые из настилочных булыжников тоже обожжены и легко раскалываются, но далеко не все — значит, среди этих камней сожжения не было, а они поставлены после огня, обожжены же могут быть случайно на соседних кострищах. Слой золы почти никогда не ограничивается площадью, обложенную камнями, а выступает далеко в стороны, обнаруживая кострища, на которых остался мелкий уголь, тогда как в каменных фигурах везде почти чистая, плотная зола. Камушки, попадающиеся на кострищах, очень пережжены и носят следы сильного огня, равно как и материк песок. Среди угля кострищ были замечены жёлто-серые мелкие остаточки костей, по-видимому, человеческих. В самих же фигурах ни костей, ни древностей не найдено. В одной лишь могиле были замечены бесформенные кусочки сварившегося железа, при высыхании развалившиеся. Во многих местах между фигур были взяты ямки, и очень часто под верхним перегноем оказывалось большее или меньшее количество золы и угля, так что как бы почти вся площадь была покрыта когда-то сожжениями. Песчаный грунт, оказывавшийся

непосредственно под золою, заставляет думать, что нарочно была выбрана подходящая песчаная площадка, так как подобные песчаные плешины, чуть прикрытые тощим дёрном, встречаются и теперь. Лес мешал прорезать всё место правильными траншеями или пройти на перевал. Я хотел было исследовать золу из этих каменных фигур, но вследствие находки остатков костей на соседних кострищах можно заранее утверждать о нахождении и составе её извести и фосфорных соединений.

Таким образом, насколько можно судить по этим немногим погребениям, общая картина должна получиться такая: на песчаной площадке совершается полное сожжение, наиболее чистая зола собирается в кучку и отмечается двумя валунами на восход и закат, в другом случае зола, дабы не развеивалась ветром, забрасывается ещё несколькими меньшими булыжниками. Так что собственно могилы в буквальном смысле не было. В двух погребениях среди золы заметна земля; принимая во внимание сравнительную толщину зольного слоя и медленное нарастание золы, даже после очень больших костров, можно предположить, что одна каменная фигура могла служить по несколько раз.

По всей местности мне известен только один подобный могильник, хотя их могло быть и много, но сохраниться они могут лишь по лесам, так как по малой глубине погребений при распашке полей всё должно было уничтожаться; кроме того, камни могли разбираться на хозяйственные нужды, а зола, конечно, не могла обратить внимание крестьян.

Кто мог оставить такой могильник? Никакой параллели нельзя подобрать, кроме общего факта сожжения, подобного эстам, но подробности совершенно несходны. К славянам его отнести тоже никак нельзя.

Может быть, этот могильник, т. е. опять-таки, если это могильник, оставлен каким-либо неизвестным нам, рано вымершим племенем, но невольно является предположение, не могут ли эти каменные фигуры быть оригинальными погребениями древних вожан, особенно же наталкивает на это некоторое сходство с погребальным обычаем соседей эстов. Немного странно отсутствие предметов и костей в самих фигурах. Но плотная, чистая зола доказывает, что сожжения производились начисто, а отсутствием предметов известны целые огромные курганные группы, это могло быть не просто случайностью, а общим обычаем. Конечно, без предметов нельзя сказать что бы то ни было определённое, но во всяком случае, как кажется, настоящая находка является новинкой в археологической литературе, и при дальнейших работах в Петергофском уезде [её] надо иметь в виду, подвергая особенному осмотру леса, как единственные места, где подобные памятники могли сохраниться неразрушенными.

В курганных группах, относимых к XIII и XIV векам, довольно часто приходится встречать среди курганов погребения в могилах без насыпей - переход к жальнику. Настоящие жальники, где насыпи совсем не встречаются, в данной местности (Царскосельский уезд) почти не замечены, поэтому следует отметить остатки жальника близ деревни Реполка, Сосницкой волости.

Жальник весь разрушен крестьянами, воспользовавшимися массой находившегося на нём камня и песку для починки дороги. Услышав, что там в прежние годы выкапывали древности, я поехал туда и на месте жальника нашёл огромную песочную яму шагов более сотни диаметром. По краям торчали булыжники, под ними зольная земля. Около одного края была замечена

правильная кладка — оказалось, что это край разрушенной могилы. Под тройным чрезвычайно плотно выложенным булыжным сводом замечены остатки полусгоревшего дерева и зола. Глубина могилы была до 1 $\frac{1}{4}$ арш. Затем шёл красный песок. Сверху камней тоже была зола — может быть, новейшего происхождения. По словам крестьян, копавших на этом месте песок, все могилы или, как они их называют, *могилы* тщательно выложены камнем. Внешняя форма, насколько можно выяснить из расспросов, была овальная или круглая, арш. в 2 $\frac{1}{2}$. На глубине от 1 до 2 арш. были находимы черепа и прочие кости, довольно хорошо сохранившиеся. Другие находки, как говорят, состояли из браслетов (витым пряжек, бляшек и картечин, т. е., вероятно, бус или бубенчиков, - крестьяне думают, что здесь «проходила война»; самое же место называется Немецким кладбищем.

Затем позволю себе обратить внимание на следующие фантастические курганы. Один такой курган я наблюдал в 1894 году. Несколько лет назад на берегу лесной речки **Хмеленки** Царскосельского уезда крестьяне нашли сопку, вышиною около сажени, которую и решили раскопать, в надежде отыскать клад. Судя по их рассказам, внутреннее, к тому же тщательное, устройство кургана было приблизительно следующее: он состоял из последовательных пластов перегноя, свода камня булыжника, песка речного [хвещу (как они называют крупный речной песок)]. На глубине 1 $\frac{1}{2}$ арш. с поверхности земли, а с вершины кургана, значит, около 4 $\frac{1}{2}$, арш., наткнулись на куски сгнившего дерева, по их уверениям, с какими-то заметками, там же попадались довольно крупные камни. Под остатками дерева оказался ключ, быстро заливший яму и прекративший дальнейшую работу. Побывав у этого ключа, известного теперь под именем **Серебряного**, я нашёл на месте кургана яму, глубин[ой] аршина 2, диаметром более сажени, наполовину наполненную водою. Откачав насколько можно воду, заглушая ключи, открывшиеся то там, то тут, попробовали взять ещё глубже. Вытащив со дна несколько булыжников, выкидав довольно много земли, ощупали, наконец, какое-то дерево, оказавшееся полусгнившей толстой тесиной длиной аршина 1 $\frac{1}{2}$. Вытаскивая доску, потревожили ключ, начавший бить с такой силой, что работу нельзя было продолжать. Я предположил, что, вероятно, курган был с трупосожжением, давшим немного золы, потому и не замеченной кладоискателями. Одно оставалось необъяснимым — это находка тесины, которую я пытался считать позднейшего происхождения, как принесённую копальщиками для укрепления сползавших глинистых берегов ямы, хотя по внешнему виду дерево должно было пролежать в воде очень немалое время. В настоящем году крестьяне, словам которых можно дать веру, рассказывали, что лет 10 назад в 8-9 верстах от Серебряного ручья был также раскопан курган, внутреннее устройство которого тоже состояло из последовательных слоёв булыжника, выложенного сводом, песку, глины, а в конце концов находятся полусгнившие плахи, которыми, как оказывается, заглушён ключ - быстрый подъём воды прекращает работу. Какие же это такие курганы, [сооружённые, и притом с некоторою тщательностью, над ключами]?

Александр Андреевич Спицын хотел объяснить их, приводя в параллель многие святочитимые места, например, ямы, которым всякий прохожий считает долгом оказать внимание - бросить в них что-либо - камень, ветку, палку; некоторые ямы, между прочим, слынут бездонными, так как бросаемые предметы оседают, сгнивают и яма всё не заполняется. Может быть, такого же происхождения была яма, верстах в 15 от рассматриваемых курганов, про ко-

торую писал в "Известиях" за 1880 год Ивановский, что «тут же (т. е. в **Калитине**. – Н.Р.) показывают глубокую яму, на дне которой, говорят, есть сруб из чрезмерно толстого леса, внутри которого находили копья, топоры, мечи и др. Теперь там яма, вследствие различных суеверий завалена множеством валунов».

Ввиду правильного устройства курганов и значительной высоты до 1 саж., вряд ли можно представить, чтобы они образовались через случайное набрасывание различных предметов, но что эти ключи были местом священным, почитаемым, это весьма вероятно; при набеге соседей или вследствие какого-либо обычая могла явиться необходимость скрыть их. В народе же существует рассказ, что в ключи опущен клад и над ним сооружён курган.

Афтограф. РА ИИМК, ф. 1, № 54/1897, л. 8, 17, 16, 17 об., 18, 7 об., 19, 14, 9, 14 об., 10, 11, 12 об., 11 об., 13 (л. перепутаны при подшивании в д.).

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II – III. Самара. Изд. «Агни». 1999.

Н.К. Рерих. Могила при деревне Подлипье. 1899. Рисунок.

ОКТЯБРЬ

Протокол заседания Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества 23-го октября 1897 года.

Под председательством С.Ф. Платонова присутствовали: А.Ф. Бычков, В.Г. Глазов, А.В. Комаров, Н.П. Павлов-Сильванский, Н.К. Рерих, С.В. Рождественский, С.М. Середонин, А.А. Спицын; гости: г. Гусев и Н.О. Шпаковский. <...>

II

А.А. Спицын описал произведённую им летом 1897 года раскопку скифского кургана близ д. Башмачки Екатеринославского уезда, недалеко от Днепровских порогов, указал на отсутствие систематической группировки так называемых скифских курганов по типам. Со своей стороны, г. Спицын предложил для этих курганов следующую схему: 4-3 в. – Куль-Оба и Александропольский курган, 3 в. – Чертомлык и другие Екатеринославские курганы, 2 в. – Ржановка, 1 в. до Р.Х. – Роленские курганы, 2 в. Гнилицы. Схема эта имеет главную целью определить хронологическую последовательность скифских курганов, а точное определение времени каждой группы находится в зависимости от решения вопроса, к какому времени должны быть отнесены древности кургана Куль-Оба.

Н.К. Рерих поднял вопрос, кем расхищен курган у д. Башмачки, - современниками-строителями кургана или это сделано в позднейшее время? По мнению А.А. Спицына – современниками....

*Протоколы заседаний Имп. Русского археологического общества за 1897 г. СПб., 1899.
Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике 1891 – 1918. Выпуск I. СПб. 2004.*

НОЯБРЬ ХРОНИКА

(Вчера, 4-го ноября)

Праздник художников

Ежегодно, в течение вот уже 140 лет, день четвёртого ноября ознаменовывается выпуском группы художников: живописцев и архитекторов с дипломами в кармане и розовыми надеждами на будущее. <...>

Настал, наконец, и самый интересный момент: объявление фамилий, удостоенных звания художника. Их оказалось немного.

Из мастерской А. И. Куинджи: К. Богаевский, А. Борисов, К. Вроблевский, Г. Калмыков, А. Курбатов, В. Пурвит, Н. Рерих, Ф. Руциц, А. Рылов, Е. Столица, Н. Химона и А. Чумаков.

Это всё пейзажисты, по жанру идут следующие <...>

По окончании собрания присутствующим предложено было осмотреть выставку ученических работ, размещённых в Рафаэлевской и Тициановской залах и по циркулевской галерее.

Петербургский листок. 1897. 5/17 ноября. № 304. С. 3.

5 ноября 1897.

Н. Кравченко

Выставка конкурсных работ Высшего художественного училища

Пейзажный отдел много сильнее и богаче, чем жанровый. Здесь несравненно больше разнообразия, самостоятельности и оригинальности. Такие произведения, как «При последних лучах» Пурвита, «Весна» Рущица, «Гонец» Рериха и «В саду» Столицы — вещи вполне мастерские и ничего общего не имеющие с теми пейзажными программами, которые писались раньше, при старых порядках Академии. Кажется, что в этом году ни в одном отделе право работать на конкурс на свою тему не выразилось так хорошо, как среди пейзажистов. Сколько новых мотивов, новых задач! Здесь действительно каждый из художников писал то, что хотел, что поразило и остановило его внимание. Один передаёт своё настроение, другой — красивый по краскам и освещению мотив, третий хочет перенести зрителя в далёкие времена начала Руси, времена постоянных войн славян с варягами, четвёртый, наконец, как то сделал г. Вроблевский, тащит зрителя на вершины Карпат и, подобно какому-нибудь волшебнику, открывает панораму горных вершин, покрытых снегом и озарённых розовыми лучами восходящего солнца. Каждая из этих картин имеет свою прелесть, почти каждая из них говорит о том, что автор владеет рисунком и ещё лучше колоритом, и что если есть между выставленными пейзажами вещи слабые, то это так же понятно, как и появление слабого произведения даже и у хорошего мастера. Хорошие картины пишутся нелегко, и трудно всем конкурентам написать всё только удачные вещи — это, конечно, одинаково относится как к пейзажистам, так и к жанристам. Пейзажный класс в этом году, вследствие ухода А. И. Куинджи, бывшего его профессором, остался без руководителя, но подготовка, полученная пейзажистами при этом профессоре, всё-таки была настолько серьёзна, что все они, как говорится, не ударили лицом в грязь.

Первое место, по мнению даже товарищей-конкурентов, отводится картине В. Пурвита «При последних лучах». <...>

Картина Н. Рериха «Славяне и варяги» уносит нас во времена давно минувшие, в эпоху начала Руси. В тихий, поздний вечер, когда ещё сумеречное освещение борется с лучами восходящей луны, по тяжёлой, почти заснувшей воде реки, в лодке, сделанной из одного куска дерева, плывут два человека; один, старик, сидит на дне её, другой, помоложе, стоя гребёт. Они плывут мимо ряда конусообразного вида изб, за которыми на пригорке возвышается род деревянного укрепления — городище. Настроения много, написана картина в красивом серебристом тоне.

Н. Рерих - художник, которого влечёт наша старина, наши былины, одним словом, то, в чём так сильно характеризуется старая Русь. На выставке есть ещё его же два небольших панно: «Гроб Святогора» и «Как перевелись богатыри на Руси»; первая вещь слабая, а вторая уже была выставлена в прошлом году...

Новое время. 1897. 5/17 ноября. № 7792.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике 1891 – 1918. Выпуск I. СПб. 2004.

6 ноября 1897.

Г. П. Анненков

ВЫСТАВКА КОНКУРСНЫХ РАБОТ УЧЕНИКОВ ВЫСШЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА.

В отделе жанровой и исторической живописи обращает на себя внимание не особенно большая по размерам, но прекрасно исполненная картина г. Рери-ха. Этот молодой, подававший и прежде большие надежды и одарённый несомненно крупным талантом художник остался верен избранному и излюбленному им направлению и в этот раз обогатил нашу историческую живопись крайне интересной по замыслу и мастерски исполненной картиной на тему «Славяне и варяги. Новгородские картины времён начала Руси». Картина г. Рери-ха представляет городище на берегу реки. Из-за строений таинственно и величаво выплывает полумесяц. Всё тихо. Природа уснула. Погрузились в безмятежный сон и жители городища. В одном только жилье ещё не спят: мерцает огонёк. По тихой, как бы застывшей реке плывёт ладья; в ней двое мужчин. Один из них гонец, несущий важную весть, что восстал соседний род и идёт войною на жителей городища... Смотри на эту картину, от которой веет такой тишиной и спокойствием, невольно ждёшь, что пройдёт ещё один момент, ладья причалит к берегу и, как только гонец сообщит свою весть, мигом восстанет всё селенье, запыхают костры, и вся местность вокруг, озарённая непривычным ярким светом, проснётся от тихого, мирного сна... Раздастся призывный, воинственный клик, народ высыпет на берег и, севши в ладьи, взбороздит тихие воды реки...

От картины г. Рери-ха, как я уже сказал, веет покоем, тишиной. Всё в ней так жизненно правдиво; всё, что изобразил молодой художник, ни в чём не разнится с теми представлениями о старинных славянских городищах, какие у нас сложились. Изображённое им жильё — это прототип современных нам крестьянских изб, а частокол с кой-где развешанными конскими черепами напоминает о древнем обычае многих русских деревнях не только украшают кровли домов, но и внутренности изб около печи и по обеим сторонам красного угла, куда вешаются иконы.

Картина г. Рери-ха, безусловно, прекрасное произведение, доказывающее, что он вполне законченный художник и вдобавок принадлежит к числу тех немногих, которые не перестанут развивать свой талант и в будущем. Он быстро, заметно совершенствуется, что видно при сравнении этой картины с его прошлогодними, тут же выставленными эскизами, написанными им на темы русского былинного эпоса...

Мировые отголоски. 1897. 6/18 ноября. № 307.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике 1891 – 1918. Выпуск I. СПб. 2004.

16 ноября 1897.

КОНКУРСНАЯ ВЫСТАВКА РАБОТ УЧЕНИКОВ ВЫСШЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА

Бросив взгляд на историю человечества, начиная с самой ранней доисторической эпохи, мы замечаем стремление человека создать искусство. Уже человек каменного века на кости или на роге вырезывает изображение мамонтов, оленей, полевых цветов — предметов, всего более его прельщавших или

поражавших. Причину подобного стремления нужно искать во врождённой потребности людей наглядным образом выражать духовные и эстетические впечатления. В истории почти нет народа, который был бы чуждым этому стремлению и не пытался бы создать в формах, себе понятных и доступных, нечто вроде самостоятельного национального искусства. Чем выше интеллектуальная жизнь народа, чем выше его духовное и эстетическое развитие, тем более и более совершенными становятся и формы выражения этих идей.<...>

Переходя от этого краткого вступления к настоящему обзору, т. е. к теперешнему конкурсу учеников Высшего художественного училища, к молодому нарождающемуся поколению художников, нельзя не сказать предварительно несколько слов о влиянии школы, художественного образования. Все дороги, говорят, ведут в Рим. Может быть, это и верно, но жизнь коротка, а дорога — дальняя и трудная. Нужно искать пути кратчайшего.

Для отыскания этого кратчайшего пути нужны нам опытность и знания предшественников, нужны их указания, их помощь. Словом, нужны руководители, нужно художественное образование, нужна школа. В исканиях лучшего и яснейшего способа выражения идей более одарённые и чуткие люди находили для своего времени лучшую форму выражения, вследствие чего их влияние находило отклик и уделялось людям менее самостоятельным, менее опытным и даровитым. Вокруг «мастера» собиралась толпа его подражателей и последователей, которыми он руководил и над которыми главенствовал. Так нарождались школы. <...>

В нынешнем конкурсе участвуют ученики мастерских четырёх художников-руководителей — г[оспо]д профессоров: Репина, Маковского, Куинджи и Кузнецова. Прежде всего, обращают на себя внимание работы учеников профессора пейзажной живописи А. И. Куинджи. Поражает замечательно высокий уровень всей мастерской. Стольких так хорошо написанных пейзажей не было до сих пор ни на одном из предшествовавших конкурсах; и что замечательно — почти все ученики показали себя оконченными мастерами с большим пониманием технической стороны живописи, а ведь большинство писало картины впервые. Объяснения подобного явления нужно искать в профессоре-руководителе, который своими хорошими советами сократил, часто очень горькую, личную опытность молодых художников. Во всех работах чувствуется любовная отеческая помощь опытного талантливого художника, замечается чуткость, с которой профессор относился к каждому ученику, предоставляя ему быть самим собою. В сюжетах картин — бесконечное разнообразие. Вы видите море, горы, леса, холод зимних пейзажей, мрачность северных полярных морей, и солнце юга, и поэзию лунных ночей, и вид первобытного славянского городка; словом, не чувствуется внушённого стремления к известным излюбленным мотивам и сюжетам. Все остались индивидуальными, и все развились в смысле понимания задач и требований в живописи и окрепли опытностью хорошего наставника. Отрадное явление! Так понимаемая школа всегда даёт только хорошие результаты. Бесконечно нужно сожалеть, что заявивший себя в такое короткое время с самой лучшей стороны профессор-руководитель уходит из мастерской.

Живописное обозрение. 1897. 16 ноября. № 46. Воскресенье. С.130-131.

19 ноября 1897 г.

Об академической выставке

Академическая выставка ученических работ возбуждает очень много разговоров pro и contra. Впрочем, пожалуй, больше pro, чем contra. В залах Академии ежедневно собирается много публики, с видимым удовольствием осматривающей результаты ученических работ кистью и резцом...

Публика довольна... Повсюду слышатся одобрительные замечания, раздаются отрывки разговоров на темы, самые лестные для молодых художников, видны довольные лица людей, очевидно, ощущающих искренне наслаждение в прогулке по академическим залам.

Оно, несомненно, так и будет, а в особенности, когда молодые художники узнают, что довольна не только публика, но довольны и профессора, предъявляющие к их работам, очевидно, гораздо более строгие требования, чем масса посетителей выставки.

Мы имеем возможность сообщить юным талантам этот приятный для них факт после разговора с И.Е. Репиным и В.А. Беклемишевым.

У И.Е. Репина:

- Вы спрашиваете моё мнение о выставке? Я вам отвечу, но предупреждаю вас, я сам сознаю, что превращаюсь в этот момент в кулика, толкующего о собственном болоте... Каждый, кто внимательно осматривал выставку, согласится со мной, что она, безусловно, удачна, что некоторые ученики выставили работы, которые сделали бы честь даже совершенно законченным художникам... Возьмите Рериха или Борисова... Их картины говорят о безусловном таланте и о том, что этот талант получил правильное развитие хорошей школой...

0-0-

Петербургская газета. 1897. 19 ноября. № 318.

[Ноябрь 1897 г.]

Письмо И.Е. Репина к А.А. Куренному.

Дорогой Александр Аввакумович,

Спешу известить Вас о выставке учеников – много хорошего. Особенно отличились: Борисов +, Дудин +, Пурвит +, Мясоедов +, Богатырев + (Иван живою), Крайнев +, Вальтер +, Глущенко +, **Рерих** +, Рылов +, Врублевский, Рушиц +, Андреев, Пынеев. Подчёркнутые мною поедут за границу на каз. счёт, прочие получили звания; звёздочки поставлены мною тем, у кого вещи особенно интересны. Борисов едет на Север – получил субсидию от Министерства Финансов.

Очень радуюсь, что Вы работаете над световыми эффектами.

Юра делает успехи и недурно пишет портреты; у него много заказов оттого, что он пишет их даром.

Портрет княгини у меня, я его и не трогал – темно теперь здесь; да и другое было на очереди.

Жаль, что вы не видели здесь скандинавской выставки. Теперь выставлены афиши.

Юра Вам очень кланяется и благодарит за поклон.

О летней поездке я ещё не загадываю, а думаю, нельзя ли на рождественских праздниках, проехать комп. в Новгород – зимой, думаю, очень интересно. Желаю Вам всего лучшего.

Ваш И. Репин

Отдел рукописей ГТГ, ф. 30/22, 1 л.

20 ноября 1897 г.

ХРОНИКА

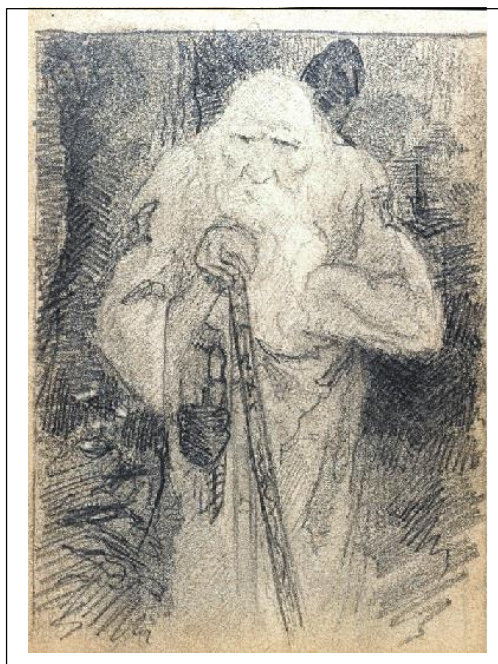
П.М. Третьяковым на выставке конкурсных работ в императорской Академии художеств приобретены следующие картины: акварель – В.Е. Пурвита (уч. проф. А.И. Куинджи); «Славяне и варяги» (новгородские мотивы времени начала Руси, «Городище. Гонец, восстал род на род») – Н.К. Рериха (уч. проф. А.И. Куинджи) и «Весна» Ф.Э. Рущица (уч. проф. А.И. Куинджи).

Московский вестник. Раздел Петербург. 1897. 20 ноября. № 319.

Из воспоминаний...

На конкурсную выставку приехал Третьяков. Наметил для Москвы Рущица, Пурвита и моего «Гонца». Было большое ожидание. Наконец, Третьяков подходит: «отдадите «Гонца» за 800 рублей» А он стоил тысячу, о чём говорить! Пришёл Третьяков ко мне наверх в мастерскую. Расспрашивал о дальнейших планах. Узнал, что «Гонец. Восста род на род» - первая из серии «Славяне». Просил извещать, когда остальные будут готовы. Жаль, скоро умер и серия*) распалась.

Н.К. Рерих «Начало» (1937.)

Н.К. Рерих. Ведун. 1897. Эскиз.

22 ноября 1897 г.

ВЕДУН

Этюд Н. К. Рериха²

Сколько бы ни тянулись бесконечные споры, сколько бы копий ни было преломлено, сколько бы нареканий и обвинений ни обрушивалось на художников в тенденциозности, безыдейности, чрезмерном "искусстве для искусства", во всех этих разногласиях единственной, не могущей возбуждать спора, так сказать, бесспорной отраслью искусства вообще, а в данном случае изобразительного искусства живописи - будет живопись ис-

² Очерк написан Н.К. Рерихом. См. *ОР ГТГ, Ф. 44/88, Л. 1.* – *Ред.*

торическая в самом широком смысле, т.е. включая в неё живопись религиозную, собственно историческую (имеющую в виду какое-либо определённое событие, достоверность которого основана на известном историческом источнике), историко-культурный или так называемый исторический жанр, сказочную и мифологическую. Эти виды живописи сами по себе должны стоять вне каких бы то ни было разговоров о тенденциозности или чём-либо подобном, так как со стороны сущности они никак не могут быть лишены идеи и в большинстве случаев идеи чистейшей, с другой же стороны, они настолько чудесны и полны привлекательности, что вряд ли сколько-нибудь настоящий художник (не протоколист и не копиист от искусства) подумает и решится навязать подобной теме тенденцию - монотонным, наставительным говором рассудка растоптать, погубить всю поэзию, обаяние исторического сюжета. В характерном историческом этюде художника-археолога Н. К. Рериха представлен тип старика ведуна - знахаря, кудесника. Волхвы, кудесники - играли немалую роль в древней Руси; летописец неоднократно упоминает о кудесниках и их чарах; Нестор призывает на помощь против них Священное Писание, прибегает ко всеобщей истории, дабы дойти до настоящей истины, но все его доводы оказываются тщетными перед жизнью, перед влиянием кудесников на народную массу. Вспомним хотя [бы] следующие места Несторова писания: «В си времена приде Волхв, прельщен бесом; пришед бо Киеву глаголати сице, поведая людем, яко на пятое лето Днепру потещи вспять и землям проступати на ина места, яко стати Гречьской земли на Руской, А Русьской на Гречьской, и прочим землям изменится, его же неведгласи послушаху, вернии же насмежаются, глаголюще ему: "бес тобою играет на пагубу тебе"». Затем в Ростове был произведён мятеж волхвами, уверившими народ, что женщины во время голода держат в себе жито, мёд, рыбу. Как известно, и многие женщины были перебиты. Самое же классическое место о влиянии волхвов на юное русское общество XI века находится на стр. 77. Дело было в Новгороде. Явился волхв и стал уверять, что он пройдёт при всех по реке Волхву. «И бысть мятеж в граде, вси яша ему веру, и хотиху погубити епископа; епископ же взял крест и облекся в ризы, ста рек: "Ище хочет веру яти волхву, то да идет за ны; аще не верует кто, то ко кресту да идет". И разделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его идоша и стаха у епископа; а людье вси идоша за волхва; и бысть мятеж велик межи ими. Глеб же взял топор, приде к волхву и рече ему: "То веси ли, что утро хочет быти и что ли до вечера?" Он же рече: "Все ведаю". И рече Глеб: "То веси ли, что хочет быти днем?" "Чудеса велика сотворю", - рече. Глеб же вынем топор, ростя и паде мертв и люди разидошася, он же (волхв) погыбе и телом и душею, предався дьяволу» (Лавр. Лет. стр. 77-78). При чтении подобных мест у летописца становится ясным огромное значение волхва, кудесника в тогдашнем быту. Изображение подобной сильной природы, способной запугать, увлечь за собою массу, даёт нам молодой, талантливый художник в настоящем, свободно написанном рисунке со своего этюда.

[Н. Рерих]

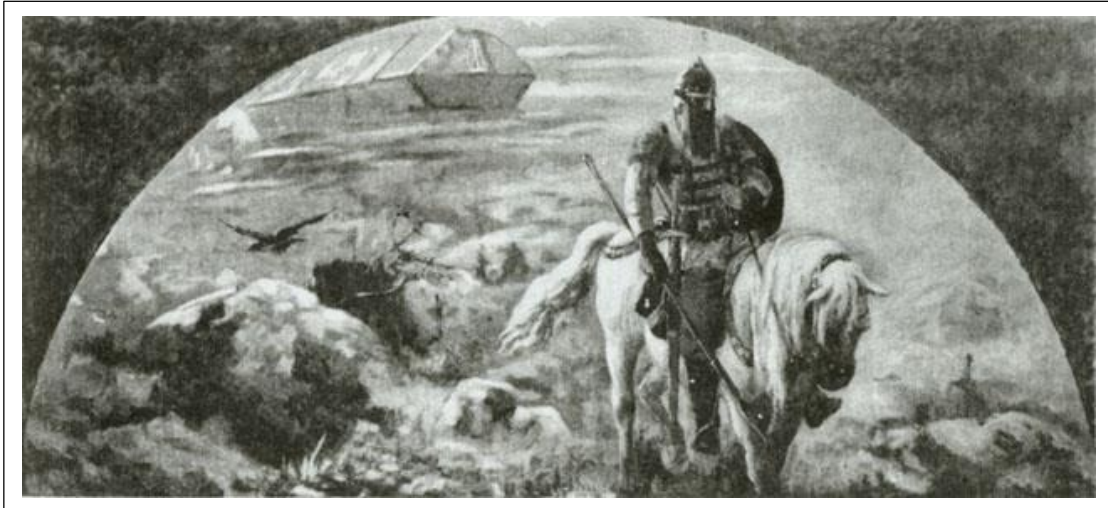
Всемирная иллюстрация. 1897. Т. 58. 22 Ноября. № 22. С. 22. Этюд - с. 509.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике 1891 - 1918. Выпуск I. СПб. 2004.

29 ноября 1897 г.

УТРО БОГАТЫРСТВА КИЕВСКОГО

К эскизу фрески Н. К. Рериха

Н.К. Рерих. Утро богатырства Киевского. 1897.

Русский народный эпос. Илья Муромец едет от гроба Святогора. Эскиз фрески Н. К. Рериха. Автотипия Эд. Гоппе. С.-Петербург. Выставка конкурентов Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств 1897 года.

В одном из номеров «Всемирной иллюстрации» за прошлый год был помещён рисунок с эскиза молодого художника-археолога Н. К. Рериха «Как перевелись богатыри на Руси», представлявший собою знаменательный момент, заключающий древне-киевский богатырский эпос, когда богатыри, в порыве самонадеянности, вступили в бой с силой небесной, испугались её, побежали и окаменели. На выставке работ учеников мастерских в залах Императорской Академии художеств Н. К. Рерихом (ученик мастерской профессора А. И. Куинджи, ныне покинувшего Академию) выставлен был в прошлом году эскиз, рисующий не менее знаменательный момент из эпохи богатырства киевского. Если «Как перевелись богатыри на Руси» — вечер богатырства киевского, - говорит сам художник, — то теперешний эскиз будет «Утром богатырства киевского», переходным моментом от богатырства старшего, представителем которого являлись Святогор, Сухман, Полкан, Микула и др. Святогор — это богатырь-стихия, титаническая мировая сила. В лице его изображён самый первоначальный период русской земли, не сложившейся, не окрепшей. Святогор — представитель стихийных начал, брожений, кочевья, титанических подвигов; а при наступлении новой эпохи устоявшейся земли, сложившегося мира народа, при появлении оседлости — Святогор обрекается на неподвижность, умирает: ибо сложившаяся уже земля крепче, твёрже стихии. «Наехали (Илья Муромец и Святогор в Святых горах) на чудо чудное, чудо чудное, да диво дивное: осередь пути великий гроб стоит, красным золотом повыложен, а на крышке надпись да подписана: на кого состроен сей великий гроб, на того он и поладится». Святогор ложится в гроб и закрывается крышкою, а та крышечка изволом Божиим сораслась со гробом во одно место. Пробовал Илья оторвать крышку, говорит Святогору: «Ты послушай-ка, мой больший брат, не могу открыть я никакой доски». «Брался старый за тот славный святогоров меч, со сырой земли не мог меча поднять». Святогор дунул на Илью богатырским духом, «и почуял старый, как в нём силушки втрое прежнего при-

бавилось». «Стал рубить по крышке по гробовой: от ударов от великих искры сыплются, а куда ударит богатырский меч - там железный обруч ставится». Ничего не поделает, и Святогор говорит Илье: «Видно, тут мне Бог и смерть судил...» Тут простился старый со богатырём, Святогорова добра коня привязал ко гробу богатырскому, опоясал славный Святогоров меч и поехал во раздольище чиста поля. На декоративно широко написанном эскизе-фреске Н. К. Рериха взят поэтический момент, выраженный последними строками былины. Туманное утро. Горный дол. Вдали стоит гроб Святогора, перекрещенный обручами; около гроба часть доспехов старшего богатыря; за гробом видна голова Святогорова коня. Грустный, задумчивый спускается с горы Илья. Направо ворон летит — повестить о начале самостоятельной новой эпохи. Старый дубовый пенёк и тонкий кустик вокруг него трогательно подчёркивают параллель между Святогором и Ильёй. Единственный упрёк настоящему эскизу можно сделать, так сказать, в его «васнецовщине» в смысле техники; в смысле же выбора момента и трактовки его композиции автор проявил полную оригинальность и индивидуальность. Теперь Н. К. Рерих занят разработкой целой серии мотивов из культурной жизни новгородских славян конца XI века, пролог к которым, названный «Славянский городок. Гонец: восстал род на род», находится на выставке в залах Императорской Академии художеств.

Всемирная иллюстрация. 1897. Т. 58. 29 ноября. № 23. С. 547. Эскиз — с. 540.

Н.К. Рерих. Воин, опершийся на меч. 1897.

ДЕКАБРЬ

8 декабря 1897 г.

Академия художеств. 1897-1899 гг. (открытка)

Группа студентов мастерской Куинджи. 1897 г.

ХРОНИКА

Вчера группа конкурентов, окончивших в этом году высшее художественное училище по пейзажному отделу, скромно праздновала получение звания художника и чествовала своего бывшего профессора-руководителя А.И. Куинджи. Во время обеда один из конкурентов, г. Рерих, прочёл пародию-былину, вызвавшую общее одобрение.

Новое время. 1897. 9/21 декабря. № 7827.

Пародия-былина Н.К. Рериха...

Бласловите осудари –
Про дела иконна терема,
Про Ильюшеньку Лукаваго,
Про Тугарина Змеевича,
Про Иванища богатыря
Держать нехитрый сказ.

Из-под кустышка, да из-под ракитова,
С-под березыньки, да с-под кудрявья,
Из-под камешка, да из-под сераго,
Из-под той ли самой славной Ладоги
Выходила, выбегала мать Невя река;
Пала устьем в море, море Финское.
У того ли моря Финского,
По той матушке по Неве реке,
Что не месяц светит из-за облаков,
Не рассыпались звезды 'ясныя,
Что не белые облачки задергали, -
Паруса ль белют в бусах-галерах,
Золотят ли в лодочках-набойницах –
Светом светит славный стольный град.
Светом светят перелювчатым
Храмов Божиих 'ясны маковки,
И с дворцами, княженецкими палатами,
Пристанями и заставами охранными.
Много звезд горят по поднебесью,
А хором не меньше в стольном городе.
Теремами в'ышки изукрашены,
Аksamитны ст'яги понавешаны.
На Васильевском славном острове
Что горят, блещут на солнышке
Перелюфтью, лалом, фатисом,
Бирюзю, изумрудами отсвечивает?

2

А на терем ли иконный то красуется,
Живописных Государя красных дел?
Стоит терем на семи верстах,
Вокруг терема булатный тын.
Верхи на тычечках точеныя,
Каждая с маковкой жемчужинкой.
Подворотня – дорог рыбий зуб.
Над воротами икон до семидесяти.
Терема все златоверховатя;
Первые ворота – валь'ящетыя,
Средняя ворота все стекольчатя,
Блеста у ворот золоченая.
Хорошо в теремах изукрашено,

В теремах ли Государевых иконных:
Пол – середà одногò серебрà,
Печки-то все муравленыя,
Пòдики у пèчек все серèбряныя;
Нà стены сýкна навìваны,
Канителью и трунцàлы понавìваны, -
Потолкì же – дорогò стеклò.
Вся лунà небèsная пов'ыведена:
Солнце на нèбе, солнце и в тèреме,
Мèсяц на нèбе, мèсяц и в тèреме,
Пò небу звèздочка покàтится,
В тèреме звèздочки пос'ыплются;
Всè по небèsному в тèреме,
А и вс'якая красà несказàнная.
В теремах сид'ят все богàтыри,
Славные худòги именìтые,
Дела живописного затèйники.
Впередì сидìт Володìмер сàм, -
Князь Сòлнышко свèтел – рàдошен:
Собìрались у него дружìна храбрая,

По указанному чину крепкому,
Всè во тереме очерèд идёт.
Тем Приказом Оружейным
Терем держится.
А Приказ тот ведает окольничий
Тот же, что и Четверть Новую,
И с ним дьяк сидит.
В приказе ведомы: Оружейничья Палата,
Дело ствольное, замочное, иконное.
Вся дружина живописная
Разделяется по трём статьям.
Получают темники богàтыри
По гривне в день,
Чарку ли вина дворянского,
По четыре кружки меду пьяного,
И стоялой браги по ведру на дèн,
И стоялой браги по ведру на дèн,
С кормового ли дворца по две ествы,
По тому ж и с хлебнаго дворца;
А по праздникам, по Светлым дням
Им идёт приказ с романею.

В дни церковные все богàтыри
С князем Солнышком во собор идут;
Разгребают им дороженьку лопатники,
Усыпают ли песочком жёлтым метельники.
Кто в шелку идёт, кто в золоте,
Кто в каменьях самоцветных, -
Как от солнца, светла мèсяца
Окрест терема лучи пекут,
Часты, мелки звèзды рассыпаются:

Диво дивное, чудо чудное,
Благолепие устами не речённое.

[Слава Солнышку.]

3

А во тёмниках все богатыри,
Сильные богатыри, могучие,
А Змеёвич стоит т'ысяцким.
На богатырях аз'ямы байберёковы;
Куякù, юшманы, бàхтерцы
Веденёцкаго дела крепкаго,
Через р'яд ведены зóлотом,
С наконёшники, запр'яжники булатныя.
На шелòмах ли ялòвчики повёивают,
Длинны кúдри под шелòмами поигрывают.
Шкарпетки у тёмников шидёныя,
Червецòм ли лáпотки унизаны,
Серебрòм узòрным подков'ыряны,
А штан'ы шкурлàт фараúзные.
В татаúрах амагùли невелúкия,
С травы на них рёзаны Казàнския;
Дорогà алúфа в амагùлях нàлита.
В саадàки тулы кисти понатыканы,
Кúсти шàрныя – сёверги булатныя.
На пупкè ли пúзе крашенúнные перёдники –
Дорогú одёжу крàской не запàчкают.
А на т'ысяцком дорогúй кафтан объ'яренный,
Зòлотом, камёньями накúщенный.
Словно сòлнце красное, небесное,
Свётит стòльный Володúмер-князь,
Во нар'яде да Большúй Казн'ы.
Есть кому за тèрем перевèдаться,
Есть кому славный стяг держать,
Править тщàтливо, да очèстливо
Госудàрево дело крепкое.

Слàва Солнышку Князю свèтлому!
Слава тèрему и богатырям,
Живопúсных дел держàтелям! Слàва!

4

А и шлò бы все по хорòшему,
По хорòшему, по укàзанному,
А не всё идет по хорòшему,
А не всё идет по укàзанному –
Тучи чèрныя понадвúнулись,
Небо сúnее позадèрнули.

Что ни вихрь мятёт по долúнушке,
Не сыпúч песок к нèбу крутится,
Не седúй ковыль к земле клонится,
В теремàх ли Госудàревых икòнныих
Спохватúлася дружúна мёншая,

Ошарàшились икòнны дòбры мàстеры:
Что повàдкой не учèстливой
Говорил старшòй с братьей мèньшею.
[Воевода темник тèрщика
Обозвал в глаза охàльщиком. - *Вставка*]
Спohватìлася дружìнушка хорòбрая,
Обу'ял задòр буйны гòловы,
Друг с другòм ломалися, водìлися,
С вечерà водились до полúночи,
С полунòчи до белà светà.
Натрудìли горла звòнкия,
Понатèрли ноги резвья,
[Басурманским зельем проклятым
Надымили кúрну горницу. - *Вставка*]
Словно пь'яные шатàются,
Пораздúмать свою дúмушку,
Развестì не могут гòрюшка.
Многоцвèтны лики не допìсаны,
Не допìсаны да помàзаны,
[Золот'ы фонà позагàжены, - *вставка*]
Дорогà алúфа задармà течет,
Киноварь, гляди, позасòхла вся.
Залетàли б'ыстры, ясны сòколы,
Чеглокì, пустèльги, кречеты,
А вокруг черкàют кòршуны,

5

На верху ширяют ястребы,
По поднебесью сам орèл плывёт,
Мечет долу взоры грозныя.
Услыхали темники богàтыри,
Уж бежит Змеевич тысяцкий,
Собирает терема тайницкие
Всех богатырей во большой совет, -
Стали думу думать крепкую.
Расходилася дружина меньшая,
Посылают выборных посыльщиков
В думу старшую: бить земно челом,
Просят дело их горе выслушать.
Закричал Змеевич зычным голосом:
- «Гой вы темники, хорунжие!»
«Глуздырей из терема повыгоним!»
«Распустить дружину меньшую!»
«Разметать заносливых крамольников!»
«Распустить!» – сказали и богàтыри.
Ярлыки писали скоропищаты,
Прикладали руки за печатями,
А Илья Лукавенький подписывал,
Тож Владимирко «Себе на уме»,
А другой Владимир Долгополистый,
Тот Моргун ли Сашка Хроменькой,
Древодельцы, все горòдники,

Древянные, каменные здатели;
А еще ли семь братѡв Сбродовичей,
Да и те ли мужики Залешане –
Что Змеевич скажет, то и сделают.
Не хотел рукоприкладствовать
Матерой, могуч богатырь стар Иванище.
Как выходит он середь горницы,
Поклоняется на все четыре стороны,

6

Густу бороду сам поглаживает,
Говорит слово мудрое:
- «Осудари вы товарищи! Да какие же мы темники.
«Коли нас дружина меньшая не слушает?
«Рано гнать её из терема;
«Лучше прежде попытать помочь,
«Да утишить уговором, словом ласковым».
Не послушали его богатыри.
[1 строка зачёркнута]
Ввечеру идет во гридню Змеевич,
Думу думает, думу тяжкую,
Ниже плеч могучих тысяцкий
Опускает буйну голову.
- «А над чем я буду тысяцким,
«Коль распустим мы дружинушку?
«Ты не тысяцкий, - баба старая,
«Баба старая – портомойница, –
«Не умел дружинушкой управити.
«Скажет мне завтра Володимер-князь».
Ярлыки скорее думные
Брал Тугарин во белы руки,
Раздирал скорее в клочья рваные,
Жёг в огне – золу развеивал.
На заутрие шёл, дружине кланялся.
А дружина озадорилась,
Не послушала Тугарина Змеевича.
Вопиял он к ним гласом истовым:
«Ой вы гой есте иконны добры мастера,
«Все знаменщики, лицевщики, левкàщики,
«Златописцы, травщики да терщики,
«Коль слова мои вам в совет придут:
«А примайте вы кисти шарныя,
«Расходитесь вы по горницам,

7

«С превеликим тщанием писание
«Крином сельным; лепо, изукрасивше.
«По Стоглаву живописцу подобает быть:
«Кротку, не сварливу, не завистливу.
«И тишайший царь окружной грамотой,
«Лета тысяча шестьсот шестидесятаго,
«Подарил своих иконников –
«Он, де, тщатливых всех пожалует.

Проходил прямёхонько во грядни светлыя,
Помолился Спасу образу,
Князю Солнышку челом бил, выговаривал:
«Ой ты гой еси пресветлый стольный князь,
«Ты бери-ка ярлыки, да во белы руки,
«Каждое словечко да высматривай,
«Не добро в теремах приключилося,
«В теремах ли Государевых иконных».
Во-потай Тугарин думает,
На Иванища на богатыря
Отведу княжой гнев праведный.

9

Как вставал тут Солнышко Владимир князь
С большого места княженецкаго,
Брал те ярлыки да скоропищаты,
Распечатывал их скоро да развёртывал,
Каждое словечко да высматривал.
Ой ты мать сыра земля порасступися,
Небеса вы синия раздайтеся,
Темны тучи во едино не скопляйтеся!
Богатырской силушке тошнехонько –
Поразгневался на старого Владимир князь,
Попущеньем Божьим, оговорами
Уж того ль Тугарина Змеевича,
Да изветами Ильюшеньки Лукаваго.
Восставал он на резвы ноги,
Потемнел сам, что осенняя ночь,
Осерчал, вскричал, что дикий зверь:
«Коль Иванище поссорил с тысяцким
«Всю дружину меньшую хоробрую, -
«Не хочу я знать крамольника,
«Бунтоваго затейника!
«Гой вы слуги чашники, приспешники!
«Вы бояре стольники, окольникы!
«А убрать мне старица Иванища
«И чтоб дух его мне не слышался.
«Тот Моргун ли Сашка Хроменький
«Станет его делом правити,
«Златописным делом травчатым».
На заре было на утренней,
На восходе красна солнышка,
Подошли к иконну терему
На работу мастера иконники,
Вся дружина меньшая, хоробрая;
А засовы позадвинуты,

10

Пудовы замки на дверях висят.
У ворот вои с копья харалужныя
Смертным боем того бить хотят,
Кто во терем на работу путь держал.
Над воротами ярлыки привешаны,

Грозныя писания без милости, -
Чтоб с повинной шли во Приказ избу –
Там крамольников, де, помилуют.
Попросили мастера богатырей –
Не пускают их к богатырям,
На запоре сидят темники
В теремах ли Государевых иконных.
И пошла в Приказ дружина меньшая.

Светит светел месяц не по прежнему,
Не по прежнему, да не по старому,
Не во всю землю Святорусскую –
Не здорово, осудари, учинилося,
Помешался славный богатырский круг.
Не пришлось бы худо и Тугарину?
А Илейко за него хоронится –
Быть лукавому побитому,
Мужичонке за изветы быть потрепану.
Так-то в та поры у князя у Владимира
Не останется во тереме богатырей,
Не останется на семена! (Господь борони!).
Отломила веточка
От кудряваго от деревца,
Окатилось яблочко
От садовой от яблоньки –
От иконнаго от терема
Далеко ушёл стар Иванище,
Матерой богатырь далеко ушёл –
В степь поездку дал,

11

В степь поездку дал
В степь привольную по старинному
Полевать ушел матер Иванище, -
Басурманов ли сещи-рубить,
А за веру биться-ратиться.

Высота ли – высота поднебесная,
Глубота ли – глубота океан-море,
Широко раздолье – по всей земле,
Сказ – всему народу православному.

1897 г.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/21, 10 л.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

И. Е. Репин. Портрет Л.Н. Толстого

«Вчера Николай Константинович рассказывал, как они ходили к Л.Н. Толстому, о его взглядах на искусство. Подарили ему скульптурный бюст. Он сказал: «Да такой штукой можно человека убить». Встретил в рубахе, с тапком в руке».

(Франсис Грант. Дарджилинский дневник. 1928.)

* * *

Неприменно вы должны побывать у Толстого», - гремел маститый В.В. Стасов за своим огромным заваленным столом.

Разговор происходил в Публичной Библиотеке, когда я пришёл к Стасову после окончания Академии Художеств в 1897 году: «Что мне все ваши академические дипломы и отличия! Вот пусть сам великий писатель земли русской произведёт вас в художники. Вот это будет признание. Да и "Гонца" вашего никто не оценит, как Толстой. Он-то сразу поймёт, с какою такою вестью спешит ваш "Гонец". Нечего откладывать, через два дня мы с Римским-Корсаковым едем в Москву. Айда с нами! Ещё и Илья (скульптор Гинзбург) едет. Непременно, непременно едем».

И вот мы в купе вагона. Стасов, а ему уже семьдесят лет, улёгся на верхней полке и уверяет, что иначе он спать не может. Длинная белая борода свешивается вниз. Идёт длиннейший спор с Римским-Корсаковым о его новой опере. Реалисту Стасову не вся поэтическая этика «Китеж-Града» по сердцу.

«Вот погодите, сведу я вас с Толстым поспорить. Он уверяет, что музыку не понимает, а сам плачет от неё», - грозит Стасов Корсакову.

Именно в это время много говорилось о Толстовских «Что есть Искусство» и о «Моя вера». Рассказывались, как и полагается около великого человека,

всевозможные небылицы об изречениях Толстого и о самой его жизни. Любителям осуждения и сплетен представлялось широкое поле для вымыслов. Не могли понять, каким образом граф Толстой может пахать или шить сапоги. Шептались неправдоподобные анекдоты о Толстом. При этом совершенно упускалось из виду, что он может рассказать прекрасную притчу о трёх старцах.

Жалею, что не имею под рукой текста этого сказания. Но каждый желающий помыслить о великом Толстом должен знать хотя бы краткое его содержание. На острове жили три старца. И так они были просты, что единственная молитва, которою молились они, была: «Трое нас — Трое Вас. Помилуй нас». Большие чудеса совершались в таком простом молении. Прослышал местный архиерей о таких простецах-старцах и недопустимой молитве и решил сам поехать к ним, вразумить их молитвам достойным. Приехал архиерей на остров, сказал старцам, что их молитва недопустима, и научил их многим приличествующим молениям. Отплыл архиерей на корабле. Только видит, что движется по морю свет великий, и рассмотрел он, что три старца, взявшись за руки, бегут по воде, поспешают за кораблем. Добежали. Просят архиерея: «Не упомянули мы молитвы, тобою данные, вот и поспешили опять допросить».

Увидав такое чудо, архиерей сказал старцам: «Лучше оставайтесь при вашей молитве».

Мог ли невер дать такой замечательный облик старцев, достигших Света в их простейшем молении? Конечно, Толстому, этому великому искателю и познавателю, было близко всё истинное, доскональное. Все же последующие усложнения Истины, конечно, дух его не воспринимал.

Все помнят и «Плоды просвещения» Толстого, повесть, полную сарказма, о невежественных спиритических сеансах. Некоторые люди хотели увидеть в этом отрицание Толстым вообще всей метафизической области. Но великий мыслитель лишь бичевал невежество. В его эпическом «Войне и Мире», «Анне Карениной» и во многих рассказах и притчах явлены искры широчайшего понимания психологии в её высочайшем значении. В пылу спора Толстой действительно мог утверждать, что простой деревенский танец для него равен высочайшей симфонии. Но когда вы могли наблюдать, насколько писатель был глубоко потрясая именно лучшею музыкою, то вы отлично понимали, что в его парадоксах заключено нечто гораздо более тонкое и обширное, нежели слушатели его хотели из них сделать в своём разумении. Великий Учитель, уходящий перед концом жизни в Оптину пустынь, разве не дал хотя бы одним этим уходом высочайший аспект своего земного бытия?

Утром в Москве, ненадолго остановившись в гостинице, мы все отправились в Хамовнический переулок, в дом Толстого. Каждый вёз какие-то подарки. Римский-Корсаков — свои новые ноты, Гинзбург — бронзовую фигуру Толстого, Стасов — какие-то новые книги и я — фотографию с «Гонца».

Тот, кто знал тихие переулки старой Москвы, старинные дома, отделённые от улицы двором, всю эту атмосферу просвещённого быта, — тот знает и аромат этих старых усадеб. Пахло не то яблоками, не то старой краской, не то особым запахом библиотеки. Всё было такое простое и вместе с тем утончённое. Встретила нас графиня Софья Андреевна. Разговором, конечно, завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе, потом прозванной «толстовкой». Характерный жест рук, засунутых за пояс, — так хорошо уловленный на портрете Репина.

Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал — величие, но такое слово не полюбилось бы самому Толстому, и он, вероятно, оборвал бы его каким-либо суровым замечанием. И против простоты он не воспротивился бы. Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было простое. Это неправда, у него было именно значительное русское лицо. Такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших далеко от городов. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения, и само воодушевление его при некоторых темах разговоров не было возбуждением, но, наоборот, выявлением мощной спокойной мысли. Индии ведомы такие лица.

Осмотрел Толстой скульптуру Гинзбурга, сделав несколько кратких и метких замечаний. Затем пришла и моя очередь, и Стасов оказался совершенно прав, полагая, что «Гонец» не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания. На картине моей гонец в лодке спешил к древнему славянскому поселению с важною вестью о том, что «восстал род на род». Толстой говорил: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесёт. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь всё равно снесёт. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывёт». Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить моё внимание в сторону народа.

«Умейте поболеть с ним» — такие были напутствия Толстого. Затем началась беседа о музыке. Опять появились парадоксы, но за ними звучала такая любовь к искусству, такое искание правды и забота о народном просвещении, что все эти разнообразные беседы сливались в прекрасную симфонию служения человечеству. Получился целый толстовский день. На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: «Ну вот, теперь вы получили настоящее звание художника».

Н.К. Рерих «Толстой и Тагор». 1937 г.

Л.Н. Толстой за работой. Скульптура И.Я. Гинзбурга.

Академия Художеств в конце XIX века.

ДИПЛОМ

Определением ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Художеств 4 *Ноября* 1897 г. состоявшимся, бывший ученик высшего Художественного Училища при Академии *Николай Рерих* за отличные познания в живописи и научных предметах, доказанные им во время пребывания в отделении живописи и скульптуры училища, удостоен звания художника, с присвоенным этому званию, на основании § 52 Высочайше утверждённого 15 Октября 1893 года временного устава ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Художеств, правом на чин X класса при поступлении на государственную службу и с правом преподавания рисования в учебных заведениях. В уверение чего дан *Рериху* сей диплом, за надлежащим подписанием и с приложением Академической печати.

С.-Петербург, *Марта 20* дня 1898 г.

20 марта 1898 г.

ДИПЛОМ

Архип Иванович Куинджи.

Из воспоминаний Зинаиды Фосдик:

«Е.И. недавно сказала, что Куинджи как-то собравшимся вокруг него ученикам, которые от него всегда чего-то добивались, сказал: *"Вы все у меня в результате будете только деньги просить, а Рерих вот пойдёт своей дорогой"*».

З. Г. Фосдик «Мои Учителя».

Н.К. Рерих. 1896-97 гг.